

✦ Личность как научная проблема

Е.С. БАЛАБАНОВА

ТЕОРИИ «ЗАВИСИМОЙ ЛИЧНОСТИ»: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Социологический анализ современных социальных процессов, феноменов массового сознания, стратегий социально-экономического поведения населения предполагает обращение к теоретическому и методологическому багажу психологических наук, позволяя более четко операционализировать понятия установок и мотивов поведения социальных акторов, обогащая интерпретационные возможности социолога. Весьма плодотворно использование в социологических исследованиях, например, понятий «активности / пассивности»¹, «оптимизма / пессимизма»² личности, «совладающего поведения»³. Работая над изучением зависимости как экономического и социально-психологического феномена⁴, я обнаружила значительный аналитический потенциал теорий «зависимой личности» (*dependent personality*) – подхода к изучению зависимости как индивидуально-личностной характеристики человека.

За рубежом проблема зависимой личности в течение последних десятилетий была целым направлением исследований в области психологии развития, клинической психологии, психиатрии. Так, с конца 1940-х до начала

Балабанова Евгения Сергеевна – кандидат социологических наук, докторант кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

¹ Магун В. С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи // Психологический журнал. 1991. № 6.

² Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности // Социологические исследования. 2003. № 12.

³ Демин А. Н. Личность в кризисе занятости: стратегии и механизмы преодоления кризиса. Краснодар, 2004. § 3.1.

⁴ См.: Балабанова Е. С. Социально-экономическая зависимость: теория, история и современность. Н. Новгород, 2004.

1990-х гг. было разработано более 35 методик объективного и проективного измерения зависимости и опубликовано более 500 эмпирических исследований зависимой личности, причем наибольший интерес был зафиксирован именно в последние годы. Результаты этих исследований находят свое применение в практике медицинской и психологической помощи, а также в коррекции поведения учащихся и участников социальных программ⁵.

Ключевым в этой группе теорий является разграничение между «нормальной» и «патологической» зависимостью. В первом случае имеется в виду зависимость, возникающая в контексте конкретной ситуации, и в этом смысле она является повсеместным психологическим феноменом – каждый человек в своей жизни сталкивается с проблемами, в решении которых он так или иначе рассчитывает на помощь других людей. Объектом же изучения психологов является зависимость второго типа – психологическая доминанта личности. «Нормальная» для ребенка, зависимость взрослых квалифицируется как социальная и личностная «незрелость». В 1980 г. Американская психиатрическая ассоциация кодифицировала «синдром зависимой личности» (*Dependent Personality Disorder*) как психическое нарушение⁶.

Исследования зависимости в психологии ведутся по двум основным направлениям. В первом случае объектом внимания является зависимость как индивидуальная переменная – когнитивные, мотивационные, эмоциональные и поведенческие характеристики зависимой личности. При этом зависимость определяется как «комплекс мыслей, верований, чувств, поведения, которые вращаются вокруг потребности принадлежать группе, совместно действовать и полагаться на значимых других людей» или «мотивационная привычка всецело полагаться на других, в том числе в тех ситуациях, в которых зависимость не является необходимой»⁷. Во втором случае в фокусе внимания находятся межличностные трансакции внутри социальных групп, создающие эффект «социальной зависимости». Последняя определяется как «ситуация, в которой один человек обладает ресурсами или контролирует их, а другой испытывает потребность в этих ресурсах»⁸ или «отношение с реальным или идеальным существом, объектом, группой или институтом, которое включает в большей или меньшей степени принятые принуждение и которое связано с удовлетворением потребности»⁹. Такой подход раз-

⁵ Bornstein R.F. The dependent personality. N.Y., 1993. P. vii, 21–27, 175–178.

⁶ Fraser N., Gordon L. A Genealogy of 'Dependency': Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State // Fraser N. (ed.). Justice Interrupts: Critical Reflections on the 'Postsocialist' Condition. N.Y.–L., 1997. P. 136–137.

⁷ Bornstein R.F. Op. cit. P. 17.

⁸ Strong S.R., Welsh J.A., Corcoran J.L., Hoyt W.T. Social psychology and counseling psychology: The history, products and promise of an interface // Journal of Counseling Psychology. 1992. Vol. 39. Issue 2. April. P. 147.

⁹ Memmi A. Dependence: a sketch for a portrait of the dependent. Boston, 1984. P. 185.

личает «паразитическую» (выгодна только зависимому) и «симбиотическую» (выгодна обеим сторонам) зависимость и, помимо рассмотрения идентичности зависимого, выясняет также идентичность провайдера и особенности обеспечиваемого объекта. Здесь и определение зависимости, и предмет исследования практически смыкаются с подходами теории социального обмена Дж. Хоманса, П. Блау, Р. Эмерсона¹⁰.

Интегральная модель зависимости была предложена Р. Борнштейном¹¹. Ее ключевыми компонентами являются: 1) генезис зависимой личности; 2) взаимосвязанные когнитивные, мотивационные, эмоциональные и поведенческие характеристики зависимой личности; 3) позитивные и негативные последствия взаимодействия зависимой личности со своим окружением. Кратко суммируем результаты эмпирических исследований зависимости, следуя этой схеме.

Генезис зависимости. Представители разных теоретических направлений называют разные внешние и внутренние факторы, играющие ключевую роль в «пролонгированном инфантилизме» взрослого человека. Так, с точки зрения *психоаналитических теорий*, зависимость — это результат неудачного психологического развития, непреодоленной зависимости ребенка от матери. Эта неудача (или «одержимость») приписывалась либо избыточной фрустрации, либо чрезмерному удовольствию от оральной стадии развития.

В рамках подхода *социального обучения* зависимость рассматривается как «благоприобретенное» качество, «выученный» феномен, чья интенсивность определяется природой обучающей ситуации¹². Зависимое поведение проявляется, поскольку оно получает вознаграждения (реальные или с точки зрения зависимого). Зависимость во взрослом возрасте в значительной степени обусловлена влиянием того, кто ухаживает за ребенком в раннем детстве (*primary caretaker*) — как правило, это фактор избыточно защитного, авторитарного родительства, поэтому все формы зависимости могут быть объяснены как продолжение «классической» зависимости — ребенка от матери. Модели «выученной зависимости» активно используются и в изучении пожилых людей, чья поведенческая зависимость, по утверждению М. Батлес, формируется их окружением, навязывающим сценарий «зависимости-поддержки». Вместо развития и активизации имеющихся у пожилых индивидуальных ресурсов, их окружение склонно преувеличивать слабость пожилых, проявлять в отношении них «сверхзаботу», ведущую к потере ими независимости¹³.

¹⁰ Homans G. Social Behaviour as Exchange // American Journal of Sociology, Vol. 62. May 1958; Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1964; Emerson R.M. Social Exchange Theory // Rosenberg M., Turner R.H. (eds.) Social Psychology: Sociological Perspectives. N.Y., 1981.

¹¹ Bornstein R.F. Op. cit. P. 161.

¹² Banfield E.C. The Unheavenly City Revisited. Boston, 1974.

¹³ Batles M.M. The Many Faces of Dependency in Old Age. Cambridge, 1996. P. 4, 152.

Объясняя более высокие уровни женской зависимости, обычно выявляемые в эмпирических исследованиях, психологи часто обращаются к теории *полоролевой социализации*. Социальное окружение склонно в значительно большей степени поощрять автономию мальчиков и налагает на них более жесткие запреты на внешнее проявление зависимых чувств и поведения, чем в отношении девочек.

Согласно *когнитивным теориям*¹⁴, поведенческая и личностная зависимость возникает в результате рефлексии людьми собственного опыта. Субъективная способность индивида изменить или повлиять на происходящие с ним события рассматривается как важнейший показатель развития зависимых отношений. В связи с этим поведенческая зависимость как результат беспомощности и потери контроля объясняется моделями «самоэффективности»¹⁵, «агентности», «личностного контроля»¹⁶, «иллюзии контроля», «выученной беспомощности»¹⁷.

Корреляционные и факторно-аналитические исследования показали наличие тесной взаимосвязи следующих когнитивных, мотивационных, эмоциональных и поведенческих характеристик зависимой личности¹⁸.

Когнитивные особенности зависимой личности. Как я только что отметила, когнитивными факторами формирования зависимой личности являются результаты рефлексии человеком своего опыта. Недостаток достижений, негативный опыт может привести его к состоянию пессимизма и «выученной беспомощности», когда на основании неудачи в одной конкретной ситуации субъект делает вывод о своей полной неспособности решать и прочие задачи. Так, Дж. Гарбер и М. Зелигман описали две фазы реакций индивидов на неконтролируемые ими обстоятельства: 1 — реактивное сопротивление, агрессивные попытки вновь получить контроль; 2 — если попытки неудачны, убеждение в собственной беспомощности. Таким образом, повторяющиеся неудачи приводили к эффекту выученной беспомощности, что обуславливало мотивационный дефицит, смирение и депрессию¹⁹. К когнитивным особенностям зависимой личности относятся низкая самооценка, недостаток уверенности в себе и силы воли, представление о себе как о беспомощном и неэффективном, в крайнем случае — неспособность отвечать повсед-

¹⁴ Shore M.F. Psychological factors in poverty? // Mead L.M. (ed.). The new paternalism: supervisory approaches to poverty. Washington, D.C., 1997. P. 315–316; Bornstein R.F. The Dependent Personality: Developmental, Social and Clinical Perspectives // Psychological Bulletin. Vol. 112. July, 1992.

¹⁵ Bandura A. Self-efficacy mechanism in human agency // American Psychologist. 1982. Vol. 37. Issue 1. January.

¹⁶ Lefcourt M.M. Locus of control: Current trends in theory and research. Hillsdale, N.J., 1976.

¹⁷ Seligman M.E.P. Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco, 1975.

¹⁸ Bornstein R.F. Op. cit. P. 18.

¹⁹ Garber J., Seligman M.E.P. (eds.). Human Helplessness: Theory and Applications. N.Y., 1980.

невным требованиям жизни. Для зависимой личности типична «экстернальная» (внешняя) локализация контроля над значимыми для нее событиями²⁰, то есть человек считает, что происходящее с ним является результатом действия внешних сил, а сам он, соответственно, — пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств. Нередко внешний локус контроля является защитным механизмом, позволяющим избежать ответственности за неудачи. Отметим, что такая беспомощность является именно субъективной характеристикой зависимого и вовсе не обязательно отражает реальную ситуацию отсутствия у него ресурсов для самостоятельного решения проблем. При этом человек верит в то, что другие люди способны контролировать ситуацию и принимать правильные решения.

Мотивационные особенности зависимой личности. Поскольку в результате «выученной беспомощности» зависимая личность считает себя неспособной принимать решения и контролировать происходящее с ней, она видит свои цели недостижимыми, перестает предпринимать попытки справиться даже с теми задачами, которые поддаются решению, и мотивирована уходить от ответственности, делегируя ее другим субъектам. Делегирование ответственности позволяет сохранить самоуважение в случае неудачи и оправдать собственную пассивность (по выражению Ж. Сесбронна, «при несчастье сильный ищет выхода, слабый — виноватого»²¹). То есть мотивационным ядром поведения зависимого становится получение поддержки и установление соответствующих отношений с окружающими.

Возможны два типа зависимой мотивации. Первый прямо связан с когнитивными особенностями зависимой личности, искренне чувствующей себя беспомощной. Второй же свойственен индивиду, который в действительности не чувствует себя беспомощным, но его зависимость является сознательной «самопрезентационной стратегией» манипулирования окружающими с целью использования их ресурсов для достижения своих целей (фактически это феномен «социального паразитизма» — имея возможности решить свои проблемы за счет собственных ресурсов, индивид предпочитает делать это за чужой счет²²). В обоих случаях ориентация на поиск поддержки обуславливает пассивность индивида: своя и чужая деятельность в достижении поставленной цели оказываются взаимозаменяемыми ресурсами. Поскольку человек ожидает, что есть люди, способные заменить его в решении определенной задачи, это не побуждает его действовать самому: ведь дейст-

²⁰ Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152–153.

²¹ Сесброн Ж. Счастье по пустякам // Над Сенной и Уазой: Франция глазами французских писателей / Сост. и авт. предисл. Т.В. Балашова. М., 1985.

²² См.: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной адаптации» // Социологические исследования. 1999. № 4.

вовать будут другие, все произойдет «само собой». Этот феномен получил название «диффузии ответственности»: расчет на других влияет на функционально эквивалентные действия самого их носителя: последние оказываются ненужными²³.

Эмоциональные особенности зависимой личности. Чувства беспомощности и ярко выраженная потребность поддержки окружающих приводят к тому, что «инструментальная» зависимость индивида перерастает в эмоциональную. Провайдер приобретает высокую субъективную значимость для зависимой личности. Последней требуется не только помощь в решении определенных задач, ей свойственна также и гипертрофированная потребность в эмоциональной поддержке и одобрении. В ряде случаев получение моральной поддержки, выражение любви и сочувствия со стороны окружающих могут даже не быть связанными с решением конкретных задач, но являться конечной целью поведения зависимого²⁴. Эмоциональная зависимость от окружающих принимает характер страхов: перед ситуациями, требующими самостоятельных решений и действий; негативной оценки со стороны окружающих; одиночества. Зависимые индивиды демонстрируют меньшую устойчивость к фрустрации, они более ревнивы и у них выше чувство незащищенности в близких отношениях. Эмпирические исследования установили положительные корреляционные связи зависимости от окружающих с психопатологией: фобиями, алкогольной, никотиновой, наркотической зависимостью, нарушениями питания (анорексия, булимия), депрессиями²⁵.

Поведенческие особенности зависимой личности. Инструментальная и эмоциональная зависимость от окружающих обуславливает широкий спектр поведения зависимого с целью максимизации возможности получения поддержки — от раблепной пассивности до агрессии²⁶. Прежде всего, это различные проявления конформно-приспособительского поведения зависимой личности: уступчивость, угодливость, внушаемость, подчинение навязываемому мнению, подстраивание под чужие эталоны, стремление избегать конфликтов, стремление быть членом группы и растворяться в ней. Ради получения поддержки зависимый вступает во властные отношения с провайдером, занимая низший статус и подчиненную по отношению к нему позицию²⁷, позволяя другим играть ведущую роль в структурировании интерак-

²³ См.: Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983; Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощью // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6.

²⁴ Heathers G. Acquiring dependence and independence: A theoretical orientation // Journal of Genetic Psychology. 1955. Vol. 87. P. 277–291.

²⁵ Bornstein R.F. Op. cit. P. 91–120.

²⁶ Shore M.F. Op. cit. P. 316.

²⁷ Assor A., Aronoff J., Messe L. Attribute relevance as a moderator of the effects of motivation on impression formation // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. Vol. 41. Issue 3. March. P. 790.

ЛИЧНОСТЬ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

ций и определении результата ситуации, подчиняя себя и свои потребности с тем, чтобы удовлетворять других, проявляя готовность любой ценой поддерживать отношения зависимости, даже в случае плохого обращения с собой. Зависимая личность характеризуется обостренной чувствительностью к настроению и поведению тех, в ком она нуждается, поскольку способность правильно интерпретировать настроение и поведение провайдера облегчает получение помощи. Для отношений зависимости характерна идеализация зависимым своего провайдера (врача, родственников, любимых, бога)²⁸.

Однако на противоположном конце спектра поведения зависимого находится агрессия, которая может возникнуть в том случае, если его ожидания не оправдываются. Чем большие надежды возлагает зависимый на своего провайдера, тем сильнее его разочарование в случае, если провайдер не оправдывает их. В определенной степени такое разочарование присутствует постоянно, поскольку всегда существует разрыв между желаемым (оно неограниченно) и получаемым. Отсюда постоянно присутствующее чувство обиды и страх лишиться поддержки. Эти страхи реальны постольку, поскольку асимметричные отношения по природе своей являются нестабильными: отношения зависимости — «это всегда дуэт, но негармоничный». Чем больше зависимый требует, тем больше вероятность того, что провайдер потеряет доверие и терпение и попытается разорвать такие отношения. Отказ провайдера играть возложенную на него роль воспринимается как предательство, и в этом случае появляется враждебность в отношении провайдера, зависимый старается им манипулировать, поддерживая в нем чувство вины²⁹. В своем крайнем выражении это приводит к насилию, исходящему от зависимых. Так, ряд исследований показал, что субъекты семейного насилия — родители и супруги — имели сильные неудовлетворенные потребности в зависимости³⁰.

Негативные последствия зависимости. Как свидетельствуют результаты исследований, в то время как для зависимого человека принадлежность к группе особенно важна, его социометрический статус обычно бывает низким. Это характерно для групп как детей, так и взрослых. «Незрелое», конформистское поведение зависимых тесно связано с недостатком популярности и признания лидерами групп, их социальным отторжением, социальной изоляцией. Действуя в качестве зависимого, индивид производит обмен долгосрочного успеха в группе (популярности, признания лидерами) на краткосрочные приобретения (помощь и поддержка). Недостаток социальных навыков для установления отношений поддержки повышает уровень тревожности и стресса зависимого, обостряет его страхи; в свою очередь, неблагоприятное эмоциональное состояние повышает риск физических заболева-

ний. Наконец, в межличностных отношениях зависимость может провоцировать жестокое обращение с детьми, женами, пожилыми, причем связь зависимости и насилия может быть двоякой. Во-первых, поддержка и забота о зависимых часто вызывает стрессы и фрустрацию (расстройство планов, крушение надежд), так что бремя финансовой поддержки или бытового ухода могут служить оправданием жестокого обращения. Во-вторых, ситуация зависимости может позволять личностям авторитарного социопсихологического типа реализовывать собственные потребности в доминировании: факт оказания поддержки для них означает, что они могут обращаться с зависимым по своему усмотрению, и насилие оказывается средством утверждения их власти. В свою очередь, зависимые участники этих отношений могут «добровольно» принимать на себя роль жертвы и даже провоцировать жестокое обращение с собой, полагая, что они бессильны изменить ситуацию или выйти из нее³¹.

Позитивный потенциал зависимости. Он, как ни странно, существует, поскольку социальные умения, которые развивает зависимый в целях максимизации возможности получения поддержки (эмпатия, чувствительность к настроению и поведению провайдера, стремление делать другим приятное, угождать), приводят к тому, что: 1) помощь других позволяет зависимому решать конкретные задачи и обеспечивает ему чувства стабильности и защищенности; 2) зависимый формирует и поддерживает устойчивые отношения, в которых заинтересован не только он, но и провайдер. Асимметричные отношения не могут продолжаться долго, если они не выгодны обеим сторонам³², поэтому они принимают на самом деле реципрокный характер, то есть баланс обмена значимыми друг для друга благами выравнивается. Зависимость может быть позитивной адаптивной ценностью, например, в старости или для людей с ограниченными возможностями, то есть когда способность индивида действовать автономно объективно невелика. Так, зависимость может быть частью стратегии «успешного старения», совладания с неизбежными ограничениями ресурсов и способностей в старости. В этом случае зависимость является оптимизирующей стратегией по инициированию и сохранению социальных контактов, компенсаторной функцией, позволяющей пожилым сберечь энергию для того, чтобы участвовать в более предпочтительных для них видах деятельности³³.

Итак, обширный пласт социально-психологических исследований зависимости позволяет нарисовать психологический портрет «зависимой личности» и обеспечивает социолога богатым материалом о специфике межличностных взаимодействий зависимого и провайдера. Результаты исследований

²⁸ Memmi A. Op. cit. P. 35–37.

²⁹ Ibid. P. 42–50.

³⁰ Bornstein R.F. Op. cit. P. 88.

³¹ Ibid. P. 86–87.

³² Memmi A. Op. cit. P. 65.

³³ Batles M.M. Op. cit. P. xvi, 2, 145.

дают возможность предсказать два основных направления развития этих отношений в долгосрочной перспективе: они либо окажутся разрушительными, способствуя социальному отторжению зависимого, усугублению его чувств собственной беспомощности и некомпетентности и провоцируя насилие в отношении его, либо перерастут в реципрокные отношения, то есть сбалансированный, эквивалентный обмен деятельностью и ресурсами.

Потенциал применения теорий «зависимой личности» в социологических исследованиях. Хотя теории «зависимой личности» изначально были разработаны психологами для обозначения личностных диспозиций и межличностных взаимодействий, потенциал их применения видится мне гораздо шире. В частности, обращение к этой концепции может быть весьма плодотворным в исследованиях национального характера, отношений патернализма, процессов социально-экономической адаптации населения.

Так, кросскультурные исследования *национального характера* оперируют неким идеальным типом — «модальной личностью»³⁴, являющейся обобщенным носителем эмоциональных, мыслительных, волевых свойств, диспозиций, детерминант поведения, присущих большинству взрослых представителей той или иной нации. Анализ литературы позволяет предположить, что русскому национальному характеру исторически были весьма свойственны характеристики «зависимой личности». Генезису зависимой «модальной личности» россиянина способствовали сохранявшиеся на протяжении многих столетий структурные и культурные ограничители свободы людей в виде крестьянской общины, экспансионистского государства и православного христианства. Исследователи отмечают такие когнитивные черты русского национального характера, как неагентивность и экстернализация контроля над событиями жизни индивидов, фатализм, что проявляется, например, в языке³⁵. Чувство неподконтрольности собственной жизни обуславливает такие мотивационные черты зависимой личности, как стремление делегировать ответственность, обрести покровителя (по утверждению Н. Бердяева, природа русского народа «определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, она всегда ждет жениха, мужа, властелина...»³⁶). Огромный пласт литературы посвящен такой черте русского национального характера, как «соборность», которую можно трактовать как одну из важнейших поведенческих характеристик зависимой модальной личности россиянина, предполагающую обезличенность, растворенность личности в некоем «Мы», в общности, которая выступает по отношению к личности как высшая власть и высшая сила. Отличительными чертами «соборнос-

³⁴ Inkeles A., Levinson D.J. National character: the study of modal personality and socio-cultural system's // Lindzey G. (ed.). Handbook of social psychology. Vol. 2. Cambridge, 1954.

³⁵ Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. С. 100.

³⁶ Бердяев Н. Психология русского народа. Душа России. М., 1915.

ти» являются подчинение безусловному императиву «человек для...», ценность человека лишь как принадлежности целого, детали раз и навсегда сконструированной машины³⁷.

Весьма продуктивным, на мой взгляд, является использование концепции «зависимой личности» в изучении феномена *приживальства*, которое пока что остается «белым пятном» в отечественной исторической социологии. Между тем такая социальная практика была широко распространена в дореволюционной России. Обилие упоминаний о приживалах в произведениях классиков русской художественной литературы (Ф. Достоевского, Л. Толстого, М. Салтыкова-Щедрина, А. Чехова, И. Гончарова, Н. Лескова, А. Островского) позволяет характеризовать их как типичных представителей «зависимой личности». Приживалами становились люди определенного склада, готовые «раствориться» в своем покровителе и терпеть «добровольное лакейство» ради куска хозяйского хлеба. Когнитивные характеристики зависимой личности отражены, например, в «выученной беспомощности» Степана Головлева: «Самый последний из людей может что-нибудь для себя сделать, может добыть себе хлеба — он один ничего не может»³⁸. Их поведенческие особенности характеризовались предельным обезличиванием и конформностью: приживалы выполняли в доме роль одушевленной мебели, шута или говорящего животного; они были олицетворением готовности услужить своему покровителю; благодетель мог «приручать» и «дрессировать» их сообразно своим вкусам и представлениям; приживал должен был исполнять роль заинтересованного собеседника (преимущественно слушателя). «Кто подаст куда-то запропастившуюся табакерку или поднимет упавший на пол платок? Кому можно пожаловаться на головную боль с правом на участие, рассказать дурной сон и потребовать истолкования? Кто почитает книжку на сон грядущий и поможет заснуть? А иногда такой пролетарий посылается в ближайший город за покупкой, поможет по хозяйству — не самим же мыкаться!»³⁹. Достоевский в «Селе Степанчикове...» нарисовал образ агрессивной зависимой личности — «самого ничтожного, самого малодушного, выкидыша из общества, никому не нужного, совершенно бесполезного, совершенно гаденького, но необъятно самолюбивого и вдобавок не одаренного решительно ничем, чем бы мог он хоть сколько-нибудь оправдать свое болезненно раздраженное самолюбие» домашнего тирана Фомы Опискина — когда нереализованные ожидания и осознание собственного ничтожества оборачиваются агрессией против тех, на чьих хле-

³⁷ Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 19, 159–161.

³⁸ Салтыков-Щедрин М. Е. Господа Головлевы // Салтыков-Щедрин М. Е. Избр. соч. М., 1954. С. 101.

³⁹ Гончаров И. А. Обломов. Часть первая. III. Л., 1980. С. 34.

бах он живет, «бесчеловечно-деспотическим» воздействием на домашних с целью поддерживать в них постоянное чувство вины⁴⁰.

К идеям, предложенным теориями «зависимой личности», обращаются и представители социальной теории феминизма. Причины гендерного неравенства — худших шансов женщин в получении престижного образования, трудоустройства и карьерного продвижения, «феминизации бедности», насилия в отношении женщин — кроются не только в дискриминационных практиках и структурах современного общества, но и в «инфантильной» социализации женщин и интернализации ими самими патриархальных стереотипов. Действительно, с детства нас приучают к мысли о том, что за нами должны «ухаживать» и «защищать» нас; традиционное гендерное разделение труда основано на экономической зависимости женщины от мужчины; женщины являются объектом «защитной» социальной политики государства. В результате традиционная женская «стратегия успеха» направлена не на развитие собственной личности и качеств, позволяющих ей самостоятельно добиться успеха в жизни, но на поиск провайдера (мужа или спонсора), который возьмет ответственность за ее материальное благополучие и защитит от угроз внешнего мира. Не случайно один из бестселлеров, посвященных рассмотрению этой проблемы, назывался «комплекс Золушки»⁴¹ — ведь большинство женщин действительно ждут или ищут тех, кто придет и разом изменит их жизнь. Именно с комплексом «зависимой личности» связаны повышенная женская тревожность, конформность, экономическая и психологическая уязвимость.

В изучении феномена социальной власти обращение к концепции «зависимой личности» помогает понять факты добровольного подчинения и целенаправленного манипулирования личностью низкоресурсного актора со стороны высокоресурсного. Осуществление власти наиболее эффективно, когда принуждение (экономическое, физическое, политическое) облекается в форму моральных обязательств зависимого перед своим благодетелем-провайдером. В этом случае задачей провайдера становится убеждение зависимого в том, что: 1) все, что делается провайдером, наилучшим образом соответствует интересам зависимого; 2) сам зависимый не в состоянии столь же хорошо о себе позаботиться (если вообще способен); 3) интересы провайдера и зависимого непротиворечивы, то есть зависимый, действуя в пользу провайдера, несомненно обеспечивает и свое собственное благополучие; 4) те действия, выполнения которых ожидает провайдер от зависимого — это лишь малая толика благодарности, которой может отплатить зависимый провайдеру за заботу о себе. Формирование у зависимого характеристик «зависи-

мой личности» — это важнейший компонент отношений *патернализма* — вмешательства в свободу действий индивидов или социальных групп, оправданное целями наилучшего содействия их интересам и благосостоянию.

Наиболее ярко формирование у людей «зависимых» качеств проявилось в результате патернализма советского государства по отношению к своим гражданам. Низкие доходы граждан обуславливали высокую значимость социальных гарантий и бесплатных социальных благ/услуг, предоставляемых «заботливым» государством. Люди не могли *заработать* многие жизненно важные блага, но гарантированная занятость, бесплатное образование и здравоохранение, система административного регулирования цен укрепляла в них веру в то, что о них *заботятся*. «Человек был редуцирован для обеспечения государственных нужд, но при этом власть рассматривалась им как инстанция заботы, хранитель и гарант социального порядка, источник любого возможного блага»⁴². Мотивационными особенностями зависимого «советского человека» стали стремление делегировать ответственность за свое жизнеобеспечение государству, поведенческими — конформизм («новое дыхание соборности», по выражению А. Вишневого)⁴³, эмоциональными — благодарностью тем, кому он обязан своим «безбедным существованием» и «светлым будущим» и страх быть отлученным от благ (столетием ранее Достоевский устами Великого Инквизитора говорил о том, что приученное к «заботе» человечество обратится в «стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отынешь руку свою и прекратятся им хлебы твои»⁴⁴). Патерналистско-патриархальные отношения между народом и государством выстраивались по оси «забота — благодарность» и выражались газетными штампами «родное Советское правительство», «отеческая забота партии», «всесоюзный староста», «наш вождь и учитель»⁴⁵.

Зависимая личность уязвима и в психологическом, и в правовом, и в экономическом плане. Полагаясь на внешнюю поддержку, она развивает поведенческие и ценностные компоненты «диффузии ответственности» — отказа отвечать за свои поступки либо предпринимать самостоятельные действия по достижению своих целей в расчете на то, что это за нее сделают другие. Экономическая пассивность детренирует человека, поэтому в случае прекращения отношений поддержки зависимый оказывается беспомощным, будучи «социально некомпетентным» — не обладая профессиональными и

⁴⁰ Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 3. Л., 1972.

⁴¹ Dowling C. The Cinderella Complex. Women's Hidden Fear of Independence. N.Y., 1981.

⁴² Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю. Левада. М., 1993. С. 62.

⁴³ Вишневецкий А. Г. Указ. соч. С. 175.

⁴⁴ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 230.

⁴⁵ Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 189–190.

социальными навыками, позволяющими адаптироваться к самостоятельной жизни. Эта уязвимость «зависимой личности», сформированной системой советского государственного патернализма, в полной мере проявилась в трудностях адаптации населения к рыночным отношениям последних 15 лет. Убежденность в том, что за его благополучие должны отвечать другие, ориентирует зависимого в случае затруднений не на конструктивные действия по улучшению собственной ситуации, но либо обрекает на пассивное ожидание, либо направляет его активность в русло борьбы с провайдером. Например, независимый работник просто покинет предприятие (организацию) в случае снижения зарплаты или ухудшения условий труда. Зависимый останется на своем рабочем месте либо смиряясь с состоянием депривации, либо участвуя в акциях протеста, направленных против руководства предприятия, местных властей или государства.

Так, в моем опросе трудоспособного населения г. Нижнего Новгорода в октябре–ноябре 2003 г.⁴⁶ с утверждением «Я готов(а) к любым трудностям, поскольку полагаюсь только на собственные силы» согласились 58% респондентов, 28% затруднились с ответом, 14% ответили отрицательно. Как видим, носителей когнитивных установок «зависимой личности» среди трудоспособных респондентов относительно немного – примерно седьмая часть. Это преимущественно женский феномен. 71% группы «беспомощных» составили женщины, 37% – респонденты предпенсионного возраста (45–59 лет), 35% – рабочие. Незначительно больше в этой группе бедных и ухудшивших свое материальное положение за последние 5 лет.

Зависимость как нормативная ценность и мотивационная характеристика зависимой личности сильнее всего проявляется в согласии абсолютно большинства респондентов с тем, что государство обязано обеспечить всех своих граждан работой, сносным жильем и гарантированным доходом на уровне прожиточного минимума (от 89 до 92% ответивших положительно по каждому пункту). 69% не согласились с утверждением «Государственная помощь унижает трудоспособного человека», 60% считают, что «Надо получить от государства все, что мне полагается по закону, даже если я могу без этого обойтись». На вопрос «Нуждаетесь ли Вы в материальной помощи со стороны государства?» 11% респондентов ответили отрицательно, 33% – положительно, остальные же 56% выбрали вариант ответа «Особой нужды нет, но от

⁴⁶ Исследование проведено при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров. Грант № 03-77876-000-GSS. Опрашивались женщины в возрасте 18–54 лет и мужчины в возрасте 18–59 лет, не имеющие инвалидности. Отбор респондентов осуществлялся по месту жительства с использованием случайной маршрутной выборки. Общее количество опрошенных составило 878 человек, в том числе 446 женщин (51%) и 432 мужчины (49%). Выборка репрезентирует население Нижнего Новгорода указанных возрастов по полу и возрасту.

безвозмездной помощи не отказались бы». Таким образом, можно сделать вывод, что в российском обществе по-прежнему присутствуют сильные патерналистские настроения, облеченные в формулу «социальной ответственности» государства перед своими гражданами.

* * *

Рассмотрение основных подходов теорий «зависимой личности» показало продуктивность их применения в социологических исследованиях на разных уровнях анализа. Основными компонентами модели зависимой личности являются ее генезис; когнитивные, мотивационные, эмоциональные и поведенческие характеристики; негативные и позитивные следствия отношений зависимости.

Применение этой концепции в изучении социальных феноменов и процессов позволяет существенно пополнить аналитический арсенал исследователя, а также расширить сферу применения самой концепции. Так, на макроуровне она может быть использована в кросскультурных исследованиях национального характера, позволяя оперировать шкалами зависимости / независимости «модальной личности» той или иной нации.

В исторической социологии концепция может быть весьма продуктивной в изучении феномена приживательства, пока еще не ставшего объектом внимания исследователей. В гендерных исследованиях она помогает устранить однобокость и тенденциозность анализа, дополняя спектр «внешних» факторов социальной депривации женщин их собственными качествами и установками.

Особенно перспективно, на мой взгляд, использование этой концепции в анализе отношений социальной власти, когда комплекс зависимой личности может быть и основой этих отношений, и следствием целенаправленного формирования «зависимых» качеств у низкоресурсного агента со стороны высокоресурсного. В качестве примера такого генезиса «зависимой личности» в национальном масштабе я привела систему государственного патернализма в СССР. Как показывают данные моего исследования, в настоящее время у респондентов трудоспособного возраста наиболее сильно представлены мотивационные характеристики зависимой личности, связанные с нормативными ценностями патернализма, ожиданием существенного участия государства в жизнеобеспечении своих граждан.